

Совсем недавно вышла в свет чрезвычайно интересная работа американских психолингвистов в очень квалифицированном переводе с английского. Один из разделов этой работы завершается вполне определенным выводом относительно роли языка в развитии ребенка: «язык — это лишь один из нескольких путей, которыми ребенок может постичь определенные свойства предметного мира»¹⁷. Добавим, что имеется достаточно данных, указывающих на то, что интеллектуальное и речевое развитие имеют разные генетические корни, что интеллект и речь, взаимодействуя на разных этапах онтогенеза в разной мере, достаточно автономны¹⁸.

Изложенного, полагаем, достаточно, чтобы предположить, что «план выражения» («поверхностные структуры») и «план содержания» («глубинные структуры») не являются идентичными. Известно, что звуковой речью или ее графическому эквиваленту соответствуют некоторые механизмы коры головного мозга, система нейронного кода, которую мы привыкли называть «второй сигнальной системой». То, что звучащая или письменная речь по своей физической природе отлична от нейронной субстанции, вполне очевидно. Однако не ясно (если ограничиваться только что приведенными констатациями), во-первых, соответствует ли «внешнему» слову некоторое «внутреннее» слово, «внешней» словоформе — «внутренняя» словоформа, «внешней» синтагме — «внутренняя синтагма», «внешней» позиции — «внутренняя» и т. д. Не ясно, во-вторых, является ли мыслительный акт «внутренним проговариванием» соответствующего суждения в форме «поверхностной структуры». Ввиду того, что современная психология речи и психолингвистика оперируют понятием «внутренняя речь», то, следовательно, необходимо выяснить, является ли внутренняя речь изоморфом внешней, являясь одновременно механизмом мышления. По мнению А. Н. Соколова, разделяемому многими психологами и принимаемому многими лингвистами, внутренняя речь, не будучи «внутренним проговариванием» (т. е. развернутым, но беззвучным речевым актом), представляет собой интимные операции вербального характера¹⁹. Это значит, что мышление осуществляется в коде речедвижений, но не развернутых, а латентных (скрытых); мышление и есть комбинация нейронных представительства языковых знаков, их динамическая связь.

Работы А. Н. Соколова и его сотрудников, опираясь на весьма солидный экспериментальный материал, обладают большой доказательной силой при одном, однако, условии: если признать, что обнаруженные латентные движения органов артикуляции (а эти движения обнаруживались, действительно, при решении испытуемыми любых задач интеллектуального типа, вербальных и невербальных, очень простых и очень сложных) являются действительно артикуляторными, речевыми, коррелирующими именно с функционированием языка, а не вызваны чем-то другим. Скажем, ребенок, рисуя или склеивая что-нибудь, обнаруживает особую активность языка (язык, например, высовывается в сторону проводимой карандашной линии). Можно ли считать такую «языковую» активность связанной с артикуляциями? Нет, нельзя. В опытах А. Н. Соколова и его сотрудников не удалось идентифицировать графемы латентных движений языка, губ и других органов артикуляции (в этой функции указанные органы выступают вообще относительно недавно, если учесть эволюцию в антропогенезе и тем более — в филогенезе²⁰) с определенными речевыми линейностями. Невозможно усмотреть также различия в графе-

¹⁷ Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., «Прогресс», перев. с англ. Е. И. Негвевичкой, 1976, с. 214.

¹⁸ Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.

¹⁹ Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. М., «Просвещение», 1968.

²⁰ См. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., «Просвещение», 1975, с. 162, 163.